ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ МОТИВА ДОН ЖУАНА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Каинова Ольга Александровна

аспирант, Институт международного права и экономики им. Грибоедова, РФ, г. Москва

Peculiarities of reception of the Don Juan motif in Russian literature of the beginning of XX century

Olga Kainova

graduate student, A. S. Griboedov's Institute of International Law and Economics, Russia, Moscow

Аннотация. В статье исследуется процесс перехода от традиционного воплощения образа Дон Жуана, обусловленного его происхождением и историей бытования в литературе, к иным интерпретациям в модернистской традиции Серебряного века.

Abstract. In the article the process of transition from the traditional implementation of Don Juan's image, determined by its origin and history of literary existence, to other interpretation in the modernist tradition of the Silver age.

Ключевые слова: Дон Жуан; вечные образы; сюжет; интерпретация; Серебряный век.

Keywords: Don Juan; "eternal" images; plot; interpretation; Silver age.

Мотив Дон Жуана, бесспорно, является одним из самых популярных традиционных мотивов мировой литературы. Он переходит от эпохи к эпохе, модифицируясь и наполняясь новым смыслом.

В художественной литературе XX века процессы трансмутации мотива Дон Жуана особенно активны. Традиционный сюжетный материал, в основе которого лежит жизнь и смерть неутомимого соблазнителя и нонконформиста, освобождается от стереотипов восприятия и рецептивных наслоений, углубляются его семантические характеристики, происходит структурная переориентация активных, иногда интегральных характеристик [9, с. 86]. Это связано, во-первых, с общей интеллектуализацией литературы, а во-вторых, с модернистским авторским подходом во многих интерпретациях традиционного сюжета. Процессы рецепции и обработки мотива Дон Жуана в пределах эстетики модернизма происходили и в русской литературе начала XX века.

Характерным для рецепции мотива Дон Жуана русской литературой этого периода является его лиризация. Исключение составляет одноактная пьеса в стихах Н. Гумилева «Дон Жуан в Египте», которая, однако, по жанровой атрибуции ближе не к драме, а к лирической драме. Традиционно драматургическая сюжетная структура отходит на второй план,

перестает быть интересным внешний конфликт, событийность. Только центральные образы – Дон Жуан, Анна, Командор – вычленяются из сложной структуры сюжета и вводятся авторами в новые тексты, поэтические, с сохранением интегральных характеристик или их разрушением.

Первым случаем подобного вычленения является интерпретация Константина Бальмонта в его произведении «Дон Жуан. Отрывки из ненаписанной поэмы» (1898). Сюжет переплавляется, меняет форму и очертания, рвется его структурное единство (отрывки поэмы). Он существует на двух уровнях – собственно событийном и автобиографическом («тем же сладко-чувственным обманом \ Я взоры русских женщин зажигал» [1, с. 142]). Эти уровни крепко переплетены с отстраненными мыслями соблазнителя («Но мрачен взор упорный Дон Жуана» [1, с. 140]), рождается «Я» лирического героя. Его игривые эпатирующие признания – это не оправдание. Собственно, он и не стремится очиститься, потому что чувствует свою силу в соревновании с судьбой. Поиск чувственных наслаждений и вечной красоты жизни в многообразной игре его форм является главным для героя К. Бальмонта [7, с. 262].

Страстный монолог героя поэмы «Дон Жуан» (1900) В. Брюсова - это уже частично оправдание, хотя скорее объяснение себе самому смысла своего существования. Для Дон Жуана его главная миссия – освобождение женской души в любви, и в этом тайна успеха соблазнителя. Одновременно герой стремится объяснить свое состояние вечных поисков попытками найти глубины чувственности и неопознанные тайны бытия. Стихийность его поступков, в первой же строке данная стихией моря («Да, я - моряк! Искатель островов» [3, с. 84]). Однако звучат и нотки оправдания, что разрушает иллюзию самодостаточности Дон Жуана в поэзии В. Брюсова. Даже его прославления святой глубины любови - это только ее поиски, и именно напрасные поиски являются печальной судьбой Дон Жуана – ребенка болезненного fin de siecle.

Подобная трактовка образа Дон Жуана видна и в поэзии Н. Гумилева «Дон Жуан» (1907 г.). Неутомимый соблазнитель видит смысл своей жизни в постоянных поисках любви, но это лишь самообман – «Обмануть медлительное время» [5, с. 105]. Он опустошен и одинок, «надменная мечта» и дерзость (надежда на спасение души: «А в старости принять завет Христа» [5, с. 105]) не спасают героя от ужаса смерти и забвения. В другом произведении Н. Гумилева – в «маленькой комедии» «Дон Жуан в Египте» (1912 г.) – Дон Жуан побеждает. Побеждает самое пекло, потому что счастливо освобождается от проклятия Командора и снова побеждает соперника, соблазнив на его глазах его же невесту. Он вдохновенно служит победной любви, которая «нас коронует без короны / И превращает в пламя кровь» [4, с. 49]. В ситуации триумфа (наконец найден идеал вечной женственности) почувствовать этот подъем мешает скрытая, а часто видимая ирония (самоирония) автора относительно своего героя. В пьесе «трагично зримо представлена постоянная зависимость – вражда неразрывных начал, которые сосуществуют рядом: порыв одного героя к чему-то новому и трезвая рассудительность другого» [6, с. 16]. Неутомимого романтика Дон Жуана автор переносит в прагматический XX век, его новая возлюбленная знает о нем из оперы Моцарта, а Мадрид изучала по школьной географической карте. Победа его иллюзорна, как и все, чего он ждет от жизни.

Архетипический мотив Дон Жуана наиболее оригинально интерпретирован А. Блоком в его стихотворении «Шаги Командора» (1910-1912 гг.). Это тот случай, когда автор (как и Н. Гумилев) переносит традиционный сюжетно-образный материал на другую, синхронную ему эпоху, явно осовременивая и национализируя его. Черты такого осовременивания существуют в поэзии на двух тесно переплетенных уровнях – открытом и скрытом, внешнем и внутреннем. К внешнему уровню относятся намеки и вкрапления, которые подтверждают перенос ситуации в современную А. Блоку действительность (Командор приезжает на ужин на автомобиле), в то же время обозначается и иной – экзотический – хронотоп источника («слышно пенье петуха …», «В снежной мгле поэт рожок …» [2, с. 172-173]). Подобный эффект двоемирия, предполагающий включение традиционных персонажей в новые событийно-ситуационные связи, является характерной чертой символистской интерпретации мотива Дон Жуана.

Следует также отметить имманентное осовременивание образа Дон Жуана у А. Блока. Образ полон трагизма и отчужденности: герой одинок, он напуган, он потерял все традиционные

черты соблазнителя и наглеца. Традиционный сюжет перекодируется, пафос свободы как универсальной категории, заложенный так или иначе в большинстве его версий, исчезает, уступая место воплощению трагического парадокса жизни. Дон Жуан не только уничтожает других, но и уничтожает самого себя. По сути дела, перед нами уже драма XX века: личность расколота, разделена на «внутреннего» человека и «внешнего» – того, кто еще стремится к гармонии, целостности и совершенству, и того, что в действиях уничтожает себя [8, с. 213].

Таким образом, у Блока мы можем констатировать разрушение стереотипов воплощения традиционного сюжетно-образного материала, размывание критериев его аксиологического осмысления, что достигается также использованием приема скрытой контаминации. Так, например, в «Возмездии» образ отца героя поэмы одновременно проецируется на Дон Жуана и Фауста.

Марина Цветаева тоже переносит своего героя в Россию. Ее цикл стихов «Дон Жуан» (1917 г.) – это исполненный эмоциональной чувственности монолог лирической героини, обращенный к Дон Жуану. Цикличность, одновременно размыкающая единство текста и скрепляющая его, позволила поэтессе создать амбивалентный образ Дон Жуана. Герой – только обломок своей старой славы: он неуместен и смешон в холодной России. Трагическая личность потеряла себя и смысл своего существования («- не было в Дон Жуана - донный Анны!» [10, с. 101]). Исследователи отмечают также характерную черту женской интерпретации сюжета у М. Цветаевой – это образ Кармен, символ «сильного и свободного женского характера. (…) Это ситуация равновесия сил или возможного укрощения неуязвимого некогда героя, соблазнителя судьбы» [8, с. 213].

Традиционный герой М. Цветаевой теряет характерные черты через заниженность его восприятия автором, однако происходит перенос образа Дон Жуана на другой уровень восприятия – собственно, не только как традиционного образа, а как трагической личности, проигравшей соревнование с судьбой. Интересны видения смерти в цикле, они творят мотив скоротечности чувств, сладости жизни и самой судьбы.

Изменение классического жанрового воплощения, частичная или полная модификация сюжетной структуры (внимание к его внутренней, а не внешней истории), процессы перепрочтения (перекодирования) и замена главных онтологических и аксиологических характеристик мотива - это те общие черты модернистской интерпретации традиционного мотива Дон Жуана, которые характерны для русской литературы начала XX века. Благодаря этому произошло разрушение стереотипов рецепции традиционного материала, характерного для модернизма, обеспечившего органичное вхождение старых форм постижения бытия в новейшие культурные пласты.

Список литературы:

1. Бальмонт К.Д. Стихотворения. – Л.: Сов. писатель, 1969. – 712 с.

2. Блок А. Собрание сочинений: В 6 т. – Л.: Худ. литература, 1980. – Т. 2. – 472 с.

3. Брюсов В. Избранные сочинения. – М.: Худ. литература, 1980. – 574 с.

4. Гумилев Н. Драматические произведения. Переводы. Статьи. – Л.: Искусство, 1990. – 404 с.

5. Гумилев Н.С. Стихи. Письма о русской поэзии. – М.: Художественная литература, 1990. – 447 с.

6. Золотницкий Д. Театр поэта // Гумилев Н.С. Драматические произведения. Переводы. Статьи. – Л.: Искусство, 1990. – 404 с.

7. Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX-XX веков. – М.: Изд. МГУ, 1990. – 336 с.

8. Колобаева Л.А. Символ как хранитель и возмутитель классических традиций (образ Дон Жуана в русской литературе кон. XIX – нач. XX в.) // Классика и современность. Сб-к науч. тр. – М.: Изд. МГУ, 1991. – С. 207-216.

9. Нямцу А.Е. Миф и легенда в мировой литературе: теоретические и историко-литературные аспекты традиционализации. – Ч.1. – Черновцы, 1992. – 160 с.

10. Цветаева М. Поэзия. – Кишинев: Лумина, 1988. – 575 с.